Иван Тургенев

Воспоминания о Н. В. Станкевиче

Иван Сергеевич Тургенев
Воспоминания о Н. В. Станкевиче

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3003635

Аннотация

Воспоминания о Станкевиче были написаны Тургеневым, вероятно, по просьбе П. В. Анненкова как подсобный материал для его статьи «Н. В. Станкевич. Биографический очерк». Анненков, не знавший лично Станкевича, при составлении его биографии пользовался его перепиской и рассказами его друзей. Но ему не хватало, по-видимому, живых бытовых деталей, характеризующих Станкевича и его окружение, впечатлений от его внешности, манеры держаться, говорить и т. д. Всё это мог дать ему Тургенев, близко общавшийся со Станкевичем в последние месяцы его жизни; потому-то написанные им воспоминания носят такой личный, интимный характер.

Содержание

Примечания 14
Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев <Воспоминания о Н. В. Станкевиче>

Меня познакомил с Станкевичем в Берлине Грановский – в 1838-м году, в конце.[1] До того времени я слышал о нем мало. Помню я, что когда Грановский упомянул о приезде Станкевича в Берлин, я спросил его – не «виршеплет» ли это Станкевич,[2] – и Грановский, смеясь, представил мне его под именем «виршеплета». В теченье зимы я довольно часто видался с Станкевичем – но не помню, чтоб мы вместе ходили на лекции: он брал *privatissima*[1] у Вердера – а в университет не ходил.[3] Станкевич не очень-то меня жаловал – и гораздо больше знался с Грановским и Неверовым.[4] Я очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, проистекавшей, впрочем, не от его обхожденья со мною, которое было весьма ласково, как со всеми, но от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости. Станкевич жил в то время один – но у него с утра до вечера гостила одна девица, по имени Берта,[5] недурная собой и неглупая; она в последствии времени очень плохо кончила, сошлась с Ефремовым[6] и была выслана из Берлина, чуть ли не за кражу. Она была довольно остра и забавна по-берлински. Пом-

---

[1] самым частным образом (*лат.*).

ню я одну ее остроту, переданную Станкевичем: у ней была сестра, которой пришлось раз ночевать у Станкевича, – Берта объявила, что она не хочет, чтобы на эту ночь была «allgemeine *Press*freiheit»[2], хотя она и либералка. Станкевич любил женский пол, но в душе был целомудрен – особенно если сравнить его с нынешней soi-disant[3] молодежью. Здоровье его уже тогда было плохо – мы знали все, что он страдает грудью, и к нему ездил д-р Баре́ (Barez), который обращался с ним очень дружелюбно. (Он был тогда первым врачом в Берлине.) Впрочем, Станкевич много выходил и театр посещал часто,[7] особенно немецкую оперу. Тогда соперничали две певицы: Лёве и Фассманн – признаться сказать, обе довольно плохие. Грановский был поклонником Лёве, высокой и красивой брюнетки, Станкевич предпочитал Фассманн, блондинку. Любимцами Станкевича были два комика: Герн и Бекманн.[8] Герн был карикатурист вроде Живокини; у Бекманна было много неподдельного, спокойного юмору. В характере Станкевича было много веселости, и он любил посмеяться. Чаще всего встречал я его у Фроловых.[9] Он почти все вечера проводил у них. Между им и г-жой Фроловой существовало отношение весьма дружественное. Эта г-жа Фролова (первая жена Н. Г. Фролова, урожденная Галахова) была женщина очень замечательная. Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроенным (она скоро по-

---

[2] «полная свобода печати» (*нем.*).

[3] так называемой (*франц.*).

том умерла), некрасивая – она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством – mettre les gens à leur aise[4], сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало – она скорее походила на очень умную француженку – un peu de l'ancien régime[5]. Стефания Баденская считала ее в числе своих приятельниц – Беттина[10] часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной un peu de haut en bas[6]. Вердер бывал у ней часто – Гумбольдт[11] посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать. Фролов сам никогда не вмешивался в разговор – сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы – но не раскрывал рта. Станкевича Фролова очень любила и уважала. Она сходилась с ним в мнениях. Впрочем, я не слыхал, чтобы она с ним говорила о философии. Это было дело Вердера, который разговаривать не умел. Раз, по уходе Вердера, я не мог удержаться и воскликнул: «В первый раз слышу человека!» – «Да, – заметила Фролова, – жаль только, что он с одним собой знаком». Фарнгаген[12] (известный биограф) ходил к Фроловым – он любил выводить на свежую воду Беттину, которая его терпеть не могла и называла его

---

[4] вызывать у людей ощущение непринужденности (*франц.*).

[5] немножко старорежимну о (*франц.*).

[6] немножко свысока (*франц.*).

Giftesel[7].

Повторяю, что во время моего пребывания в Берлине я не добился доверенности или расположения Станкевича; он, кажется, ни разу не был у меня, Грановский был всего только раз – и при мне у них не было откровенных разговоров. Станкевич, помнится, не любил тогда Жорж Занд – а о Белинском отзывался хотя дружественно, но несколько насмешливо… «Ну! – воскликнул он раз, услыхав о какой-то либеральной, но глупой выходке, – теперь Виссариона хоть овсом не корми!» Я тогда о Белинском ничего не знал – и помню это слово Станкевича только по милости странного имени: Виссарион – поразившего меня. Берта, о которой я говорил выше, была отчасти причиной холодности Станкевича ко мне: я раз поехал с ней кататься верхом в Тиргартен – она очень со мной кокетничала, – а вернувшись, уверила Станкевича, что я делал ей предложения: а она просто мне не нравилась. Вот всё, что я помню из пребывания Станкевича в Берлине.

Я встретил его потом в начале 1840-го года в Италии, в Риме.[13] Здоровье его значительно стало хуже – голос получил какую-то болезненную сиплость, сухой кашель часто мешал ему говорить. В Риме я сошелся с ним гораздо теснее, чем в Берлине, – я его видел каждый день – и он ко мне почувствовал расположение. В Риме находилось тогда русское семейство Ховриных,[14] к которым Станкевич, я и еще один

---

[7] ядовитый осел (*нем.*).

русский, А. П. Ефремов, ходили беспрестанно. Семейство это состояло из мужа (весьма глупого человека, отставного гусара), жены, известной московской барыни, Марьи Дмитриевны – и двух дочерей. Старшей тогда только что минуло шестнадцать лет – она была очень мила и, кажется, втайне, чувствовала большую симпатию к Станкевичу, который отвечал ей дружеским, почти отеческим чувством. (Сам он тогда думал о Дьяковой, которая жила в Неаполе и с которой он съехался потом.[15]) Остальных лиц тогдашнего нашего кружка я не стану описывать – Станкевич говорит о них в своих письмах.[16] Мы разъезжали по окрестностям Рима вместе, осматривали памятники и древности. Станкевич не отставал от нас, хотя часто плохо себя чувствовал; но дух его никогда не падал, и всё, что он ни говорил – о древнем мире, о живописи, ваянии и т. д., – было исполнено возвышенной правды и какой-то свежей красоты и молодости. Помню я раз – мы шли с ним к Ховриным и говорили о Пушкине, которого он любил страстно, так же как и Гоголя. Он начал читать стихотворение: «Снова тучи надо мною»[17] – своим чуть слышным голосом… Ховрины жили очень высоко – в четвертом этаже. Взбираясь на лестницу, Станкевич продолжал читать и вдруг остановился, кашлянул и поднес платок к губам – на платке показалась кровь… Я невольно содрогнулся – а он только улыбнулся и дочел стихотворение до конца. Изредка находил на него, однако, страх – как бы предчувствие близкой смерти. Раз, возвращаясь уже вечером в открытой коляс-

ке из Альбано, – поравнялись мы с высокой развалиной, обросшей плющом, мне почему-то вздумалось вдруг закричать громким голосом: «Divus Caius Julius Caesar»[8][18] – в развалине эхо отозвалось будто стоном. Станкевич, который до того времени был очень разговорчив и весел, – вдруг побледнел, умолк и погодя немного проговорил с каким-то странным выражением: «Зачем вы это сделали?» В то время в Риме беспрестанно случались убийства, чуть ли не по одному на день. Говорили даже, что убийцы пробираются на квартиры иностранцев. Станкевич перепугался, приказал устроить у своей двери железные болты и крюки – и баррикадировался с вечера. Раз я его спросил, что бы он сделал, если б вдруг, ночью, открывая глаза, он увидал, что какой-то незнакомый человек шарит по его комнате? «Чтó бы я сделал? – возразил Станкевич. – Самым нежным голоском, чтобы не подать ему даже мысли, что я могу защищаться, сказал бы я ему: „Carissimo signor ladrone! (И Станкевич придал своему голосу самое умоляющее выраженье.) – Carissimo signore! Prendete tutto ciò che volete – ma lasciate mi la vita! – per carità!“»[9] В Станкевиче была способность даже к фарсу. Помню, раз из шести поданных ему панталон ни одни не оказались годными; он вдруг принялся отплясывать по комнате в одних подштанниках с самыми уморительными грима-

---

[8] «Божественный Кай Юлий Цезарь» (*лат.*).

[9] „Дражайший господин грабитель! – Дражайший господин! Возьмите, что хотите, только оставьте мне жизнь! – будьте милосердны!“ (*итал.*).

сами – а это происходило месяца за три до его смерти. Хохотал он иногда до упаду – никогда не забуду, как он однажды смеялся, прочтя в «Тарасе Бульбе»,[19] что жид, снявши свою верхнюю одежду, стал вдруг похож на цыпленка. И в то же время невозможно передать словами, какое он внушал к себе уважение, почти благоговение. Шевырев в то время был в Риме[20] – и ужасно льстил Станкевичу и вилял перед ним, хотя со всеми другими обходился, по обыкновению, с педантической самоуверенностью. Станкевич несколько раз осаживал меня довольно круто, чего он в Берлине не делал – в Берлине он меня чуждался. Раз в катакомбах, проходя мимо маленьких нишей, в которых до сих пор сохранились остатки подземного богослужения христиан в первые века христианства, я воскликнул: «Это были слепые орудия провидения». Станкевич довольно сурово заметил, что «слепых орудий в истории нет – да и нигде их нет». В другой раз перед мраморной статуей св. Цецилии я проговорил стихи Жуковского:

И прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя, [21] —

Станкевич заметил – что плохо тому, кто *по привычке* любуется прелестью, да еще в такие молодые годы.

В то время жил в Риме некто Брыкчинский,[22] поляк, друг Листа и отличный пианист, умиравший от чахотки, Стан-

кевич его очень любил – у Брыкчинского было весьма замечательное, энергическое и умное лицо – он знал, что его болезнь безнадежна, а мы все знали, что и Станкевича болезнь безнадежна. Он давно любил Дьякову, на сестре которой чуть не женился,[23] – и, говорят, съехавшись с нею перед смертью, был чрезвычайно счастлив. Мы знали про его любовь – но уважали его тайну. Станкевич оттого так действовал на других, что сам о себе не думал, истинно интересовался каждым человеком и, как бы сам того не замечая, увлекал его вслед за собою в область Идеала. Никто так гуманно, так прекрасно не спорил, как он. Фразы в нем следа не было – даже Толстой (Л. Н.) не нашел бы ее в нем.[24] Он первый дал Шушу́ (так звали старшую дочь Ховриной) читать Шиллера – и играл с ней в четыре руки на фортепьяно. Незадолго до смерти он написал мне довольно большое письмо, которое я прилагаю.[25] Умер он, как известно, в Новаре: он вместе с Ефремовым и Дьяковой ехал в Северную Италию, на берега Lago di Como. Станкевич был более нежели среднего роста, очень хорошо сложен – по его сложению нельзя было предполагать в нем склонности к чахотке. У него были прекрасные черные волосы, покатый лоб, небольшие карие глаза; взор его был очень ласков и весел; нос тонкий, с горбиной, красивый, с подвижными ноздрями, губы тоже довольно тонкие, с резко означенными углами; когда он улыбался – они слегка кривились, но очень мило, – вообще улыбка его была *чрезвычайно* приветлива и добродушна, хоть и на-

смешлива; руки у него были довольно большие, узловатые, как у старика; во всем его существе, в движениях была какая-то грация и бессознательная distinction[10] – точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении. Одевался он просто – носил обыкновенно палку. Ни разу не слыхал я от него жалоб на свое здоровье; о болезни своей он говорил не иначе как в шутливом тоне; никогда он не хандрил. Когда я изображал Покорского (в «Рудине»), образ Станкевича носился передо мной – но всё это только бледный очерк.

В нем была наивность, почти детская – еще более трогательная и удивительная при его уме. Раз на прощанье с г-жой Фроловой он принес ей в подарок круглую (так называемую геморроидальную) подушку под сидение – принес и вдруг догадался, что вид ее неприличен, сконфузился и так и остался с подушкой в руках – и, наконец, расхохотался. Он был очень религиозен – но редко говорил о религии. По-французски говорил порядочно, по-немецки лучше – немецкий язык он знал очень хорошо. Я забыл сказать, что в Риме я одно время рисовал карикатуры – иногда довольно удачно; Станкевич задавал мне разные, забавные сюжеты – и очень этим потешался. Особенно смеялся он одной карикатуре, в которой я изобразил свадьбу Маркова[26] (живописца, теперешнего профессора); Марков вздыхал тоже по Шушу́, к которой, грешный человек, и я не был совершенно равнодушен.

---

[10] благовоспитанность (*франц.*).

Станкевич упоминает в своих письмах о сестре Фроловой, г-же Кёне.[27] Она приезжала в Берлин к своей сестре. Помню я, что она была недурна собой, очень тиха и носила длинные белокурые букли. Впрочем, между ею и сестрой ее не было ничего общего; Фролову напоминал скорей ее брат, Иван Галахов,[28] уже умерший, которого я встречал в Москве. Фролова умела, когда хотела, быть чрезвычайно блестящей в разговоре; помню, раз приехал к ней в Берлин один очень умный француз, граф или маркиз. Вдвоем они вели целый вечер такой диалог – хоть бы из какой-нибудь «пословицы» Альфреда де Мюссе.[29] Г-жа Фролова по уходе его назвала его un vrai gentleman[11] – тогда это слово не успело еще так опошлиться.[30] В г-же Фроловой была наклонность к аристократии – но столько в ней было доброты и простоты в то же время!

---

[11] настоящим джентльменом (*франц.*).

Примечания

Впервые опубликовано Л. Н. Майковым по беловому автографу, извлеченному из бумаг П. В. Анненкова: *ВЕ,* 1899, № 1, с. 10–16. Перепечатано: *Рус Пропилеи,* т. III. М., 1916, с. 133–138. Вошло в издание: *Т, Сочинения,* т. XII, с. 242–248.

Печатается по тому же беловому автографу – *ИРЛИ,* ф. 93 (собрание П. Я. Дашкова), оп. 3, № 1262.

Написано, по-видимому, в Спасском летом 1856 г., между 7 (19) мая и 11 (23) июля. На это указывает, с одной стороны, упоминание о романе «Рудин», опубликованном в январской и февральской книжках «Современника» 1856 г., а с другой – то, что в воспоминаниях отмечаются черты сходства между Станкевичем и Л. Н. Толстым; с последним Тургенев, после недолгого знакомства в Петербурге в ноябре-декабре 1855 г., сблизился именно в эти летние месяцы 1856 г. Более точные данные отсутствуют.

Воспоминания о Станкевиче были написаны Тургеневым, вероятно, по просьбе П. В. Анненкова как подсобный материал для его статьи «Н. В. Станкевич. Биографический очерк» (*Рус Вести,* 1857, № 2, кн. 1, с. 441–490, кн. 2, с. 695–738; № 4, кн. 1, с. 357–398); в том же году вышло отдельное издание, с добавлением писем Станкевича: «Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым», М., 1857.

Анненков, не знавший лично Станкевича, при составлении его биографии пользовался его перепиской и рассказами его друзей. Но ему не хватало, по-видимому, живых бытовых деталей, характеризующих Станкевича и его окружение, впечатлений от его внешности, манеры держаться, говорить и т. д. Всё это мог дать ему Тургенев, близко общавшийся со Станкевичем в последние месяцы его жизни; потому-то написанные им воспоминания носят такой личный, интимный характер. Анненков заимствовал из написанного Тургеневым ряд отдельных черточек и крупных или мелких фрагментов, выделяя их – не всегда, однако – кавычками и авторскими ремарками, без упоминания имени Тургенева. Так, описание внешности Станкевича, взятое из записки Тургенева дословно, дано в кавычках с авторскими вводными словами: «Одному из его знакомых мы обязаны следующим описанием наружности Станкевича» (*Станкевич, Переписка,* с. 233); эпизод у развалины по дороге из Альбано в Рим дан в такой форме: «…одному из товарищей его вздумалось закричать громким голосом: Divus Caius Julius Caesar» (там же, с. 166); описание остроумнейшей беседы Е. П. Фроловой с гостем-французом введено со словами: «Один из молодых русских, так радушно принятых ею в Берлине, рассказывал нам сцену, которой был очевидцем» (там же, с. 210–211); рассказ о том, как Станкевич читал стихи Пушкина, подымаясь по лестнице, поясняется замечанием: «Приятель, сопровождавший его, следовал за ним и видел…» (там же, с.

228). Характеристики отношений между Фроловой и Беттиной Арним, Фарнгагеном и Беттиной (там же, с. 210), упоминание об отрицательном отношении Станкевича к Жорж Санд (с. 226) даны без ссылки на источник, но эти данные явно заимствованы Анненковым из воспоминаний Тургенева.

Тургенев очень интересовался работой Анненкова над биографией и перепиской Станкевича и не раз спрашивал о ходе работы в письмах к Анненкову: «А что биография Станкевича – когда выйдет?» (3 (15) января 1857 г.); «Да, кстати, что же издание писем Станкевича? Подвигается?» (4 (16) марта 1857 г.); «я с истинным нетерпением ожидаю статьи о Станкевиче» (9 (21) марта 1857 г.). По прочтении первых двух статей о Станкевиче в «Русском вестнике» Тургенев, воздавая «хвалу» Анненкову, писал ему 3 (15) апреля 1857 г.: «Вы воскресили мне его <Станкевича> светлое лицо, Вы перенесли меня во времена моей молодости, весь смысл ею жизни угадан, верно, тонко передан – спасибо! Но зачем Вы иногда так мудрено пишете? <…> Еще раз искреннее и горячее спасибо. Да издайте, ради бога, скорее эти письма. Я уже их обещал <Л. Н.> Толстому, который будет упиваться ими, за это я ручаюсь».

Еще до публикации статей Анненкова Тургенев, прочитав в 9-й книжке «Современника» шестую статью «Очерков Гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, где речь шла о кружках 30-х годов, о Станкевиче, Белинском

и «друзьях г. Огарева» (т. е. о Герцене), в ряде писем к друзьям выразил свое удовлетворение – очевидно тем, что в статье отдавалось должное историческому значению Белинского, Станкевича и их сверстников. «Статья Чернышевского меня искренно порадовала», – писал он Панаеву 29 октября (10 ноября) 1856 г., делая при этом оговорку о том, что Чернышевский «несколько нецеремонно обходится с живыми людьми, рассматривая их частную жизнь с исторической точки зрения…». «Сознаюсь, – продолжает он, – что при выбранном им предмете трудно было совершенно избегнуть это неудобство, но все-таки считаю своею обязанностью это заметить. А статья прекрасна, и иные страницы меня истинно тронули». Так же писал Тургенев братьям Колбасиным («От статьи Чер<нышевско>го я пришел в умиление – пожмите ему от меня за нее руку» – 19 (31) октября 1856 г.), Боткину (25 октября (6 ноября) 1856 г.), Дружинину (30 октября (11 ноября) 1856 г.), Л. Н. Толстому (16 (28) ноября 1856 г.), резко разойдясь во мнении с Анненковым и Боткиным (см.: *Т и круг Совр,* с. 284). В статье Чернышевского он видел подтверждение того, что в художественной форме было им высказано устами Лежнева в «Рудине».

Образ Станкевича находил себе неоднократно – и до и после написания статьи о нем для Анненкова – отражения в творчестве Тургенева. В рассказе «Андрей Колосов», по мнению некоторых исследователей, Тургенев, отмечая высокий авторитет своего героя среди товарищей, в какой-то

степени воспроизводил черты, характерные для Станкевича в годы. его студенчества (Гершензон М. О. Образы прошлого. М., 1912, с. 162–163; Бродский Н. Л. Поэты кружка Станкевича. СПб., 1913, с. 60; Машинский С. Станкевич и его кружок. – В его кн.: Слово и время. Статьи. М., 1975, с. 47–52). Однако позднейшие исследования не подтверждают этого мнения, – см. наст. изд., т. 4, с. 555, примечания к «Андрею Колосову». В статье «Два слова о Грановском» (1855) с глубоким уважением упомянуто имя Станкевича (см. наст. том, с. 327). Образ Станкевича и атмосфера его кружка запечатлены в «Рудине» в образах Покорского и его друзей (см. наст. том, с. 255–258). Позднее, в повести «Призраки» (1863), Тургенев воспроизвел эпизод, рассказанный в воспоминаниях о Станкевиче, – воззвание, обращенное к Юлию Цезарю среди развалин. Сюжет повести «Несчастная» (1868) возник из рассказа Станкевича, в его письме к Я. М. Неверову от 15 (27) сентября 1833 г., о трагически погибшей девушке Эмилии, приемной дочери московского музыканта Ф. Гебеля (см.: *Станкевич, Переписка,* с. 245–247). Четыре строки из посвященного ей стихотворения Станкевича «На смерть Эмилии» цитируются в тексте последней, XXVIII главы повести.

Первая публикация воспоминаний о Станкевиче в «Вестнике Европы» 1899 г. вызвала несколько рецензий в газетах: *Рус Вед,* 1899, № 13, 13 (25) января, с. 2 (Новости литературы и журналистики); Новое время, 1899, № 8208, 3 (15) ян-

варя, с. 3 (Среди газет и журналов) и др.

Условные сокращения

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Творч путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freihetskriegen. Leipzig, 1858.

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Комментарии

1.

Меня познакомил с Станкевичем ~ в 1838-м году, в конце. – Тургенев допускает неточность. Первое знакомство его со Станкевичем состоялось в 1833 г. в Московском университете (см.: Станкевич, Переписка, с. 64). В период жизни Тургенева в Петербурге (1834–1838) и в первые месяцы его пребывания в Германии (летом 1838 г.) они не встречались (если не считать мимолетную встречу в Эмсе, в середине июня) и увиделись в Берлине, по возвращении туда Станкевича из путешествия по Германии, 23 сентября (5 октября) 1838 г. Зиму 1838–1839 г., а также летом – в июне 1839 г. Тургенев и Станкевич изредка встречались в Берлине (см. письмо Тургенева к Т. Н. Грановскому от 8 (20) июня 1839 г. из Берлина). Осенью 1839 г. Тургенев вернулся в Россию, а в конце февраля 1840 г. приехал в Рим, где вновь увиделся со Станкевичем – и на этот раз ближе сошелся с ним. Первые страницы воспоминаний Тургенева относятся к берлинским их встречам 1838–1839 гг.

2.

…не «виршеплет» ли это Станкевич… – Этот вопрос Тургенева вызван был тем, что в 1829–1836 гг. Станкевич опубликовал в журналах и альманахах несколько лирических стихотворений (см.: Станкевич Н. В. Стихотворения. – Трагедия. – Проза. М., 1890).

3.

…он ~ в университет не ходил. – Как видно из писем Станкевича к родным и друзьям, он на самом деле гораздо ближе был связан с Берлинским университетом, чем изображает Тургенев: в 1838 г. он посещал лекции профессоров К. Вердера (1806–1893) по философии, Л. Ранке (1795–1886) по новейшей истории, Г. Гото (H. Hotho, 1802–1873) по искусствоведению и других (см.: Станкевич, Переписка, с. 175, 187 и др.).

4.

Неверов – Януарий Михайлович (1810–1893), друг Станкевича (с которым был в переписке с 1831 г.) и Грановского, впоследствии – писатель и педагог, автор статей о воспитании и воспоминаний о Тургеневе (Рус Cm, 1883, № 11). Тургенев познакомился с ним весной 1838 г. в Эмсе, где Неверов находился вместе со Станкевичем. В 1838–1839 гг. Неверов жил в Берлине на одной квартире с Тургеневым; он познакомил Тургенева с К. Фарнгагеном фон Энзе, с оппозиционно настроенным семейством Зигмунта, отца Эммы Гервег, жены Г. Гервега, и другими берлинцами. В 1839 г. Неверов и Грановский уехали в Россию.

5.

…девица, по имени Берта… – О ней упоминает Тургенев в письмах к Грановскому от 8 (20) июня 1839 г. и 4 (16) июля 1840 г. Сохранились два ее письма к Тургеневу по поводу смерти Станкевича (ГИМ).

6.

…с Ефремовым… – Александр Павлович Ефремов (1814–1876) – друг Станкевича, приятель Белинского, Бакунина и Тургенева. В 1839–1841 гг. изучал географические дисциплины в Берлинском университете. В 1840 году состоял в переписке с Тургеневым.

7.

…Станкевич ~ театр посещал часто… – Станкевич в Берлине посещал Оперный и Кенигштадтский театры. Упомянутые Тургеневым певицы – Каролина Лёве (1816–1901) и Августа Фассман (1808–1872) выступали в Оперном театре, последняя главным образом в операх Глюка.

8.

Любимцами Станкевича были ~ Герн и Бекманн. – Герн Альберт Леонард (1789–1869) и Бекманн Фридрих (1803–1866) – комические актеры Кенигштадтского театра; Бекманн – автор и исполнитель многих «локальных поссов» (народных фарсов) с куплетами на злобу дня. О спектаклях с участием Бекманна Станкевич писал

А. П. Ефремову еще в 1837 году, отмечая склонность этого актера вводить в исполняемые им роли «остроты своего изобретения», пользовавшиеся неизменным успехом у публики (см.: Станкевич, Переписка, с. 427). Станкевич и Тургенев, не без влияния Бекманна, сочиняли каламбуры и юмористические стихи, которые посылали своим друзьям. Высказано предположение, что пародийная сцена Тургенева «Нечто, или Чемодан» также навеяна впечатлениями от выступлений Бекманна (см. письмо Тургенева к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 29 августа (10 сентября) 1840 г.).

9.

Чаще всего встречал я его у Фроловых. – Фроловы – Николай Григорьевич (1812–1855) и Елизавета Павловна, урожд. Галахова, – приехали в Берлин из Швейцарии в конце 1837 г. Фролов, бывший гвардейский офицер, в 1834 / 35 г. слушал лекции в Дерптском университете вместе с И. П. Галаховым. В конце 1840-х годов Фролов поместил в «Современнике» ряд своих работ: «Исправительные тюрьмы в Швейцарии» (1847, № 9); перевод «Космоса» А. Гумбольдта (1847, № 10, 12; 1848, № 2, 7; 1849, № 9 и др.). С 1852 г. издавал журнал «Магазин землеведения и путешествий». В 1849 г. написал биографию Станкевича, оставшуюся неизданной: в ГИМ хранятся ее черновые рукописи и цензурованный наборный экземпляр с

цензорскими купюрами (Лит Насл, т. 56, с. 169). Белинский относился отрицательно к трудам Фролова (Белинский, т. XII, с. 420). Тургенев дал ему памфлетную характеристику в «Гамлете Щигровского уезда» (см. наст. изд., т. 3, с. 263 и примеч., с. 502).

10.

Беттина – Беттина (Элизабет) фон Арним, урожд. Брентано (1785–1859), немецкая писательница, автор «Переписки Гёте с ребенком» (1835). Уравновешенной, светской Е. П. Фроловой, которая мало интересовалась современной общественной и политической жизнью, была глубоко чужда эта темпераментная и эксцентричная женщина, проявлявшая жгучий интерес к современному революционному движению и социальным проблемам. Тургенева Беттина Арним в этот период интересовала как корреспондентка Гёте и его почитательница (см. наст. том, с. 495).

11.

Гумбольдт – Александр Гумбольдт (1769–1859), знаменитый немецкий естествоиспытатель; в 1829 г. по приглашению Николая I приезжал в Россию и объехал Урал, Сибирь и Центральную Азию.

12.

Фарнгаген – Фарнгаген фон Энзе, Карл Август (1785–1858), немецкий писатель и дипломат, мемуарист, критик и публицист; был знаком со многими русскими писателями и общественными деятелями, проявлял большой интерес к русской литературе, политической и общественной жизни, критически относился к политическому и социальному строю Германии. В его дневниках есть записи о некоторых вечерах у Фроловых. Так, в апреле 1838 г. у них были споры о духовном наследии, культуре и цивилизации (Tagebücher, B. I, S. 89), а 6 декабря 1838 г. обсуждалось художественное и общественное значение романа Гёте «Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера» (Tagebücher, B. I, S. 84). В дневниках – немало упоминаний о Станкевиче и Тургеневе. В 1857 г. – по-видимому, при содействии Фарнгагена – в «Ежегоднике» Энциклопедического словаря Брокгауза («Unsere Zeit. Jahrbuch zum Conversations-Lexicon») была опубликована статья о Белинском, содержащая первое упоминание о Станкевиче в западноевропейской печати (см.: Лит Насл, т. 56, с. 492–493).

13.

Я встретил его ~ в Риме. – Тургенев с конца февраля по 12 (24) апреля 1840 г. жил в Риме; туда же в начале марта н. ст. приехали из Флоренции Станкевич и А. П. Ефремов.

14.

В Риме ~ семейство Ховриных… – В доме Ховриных 26 февраля (9 марта) 1840 г. Тургенев встретил вновь Станкевича (см.: Станкевич, Переписка, с. 685). Ховрины – Николай Васильевич, его жена Мария Дмитриевна (1801–1877), их старшая дочь Александра Николаевна, в замужестве Бахметьева (1823–1901), называвшаяся в семейном и дружеском кругу «Шушу», нередко упоминаются в письмах Тургенева 1840 г. из Италии. Римские встречи вызвали у Тургенева два стихотворения, посвященных А. Н. Ховриной (см.: наст. изд., т. 1, с. 312 и 314). Позднее А. Н. Бахметьева стала писательницей для детей и «для народа», строго религиозного направления с оттенком славянофильства.

15.

Сам он тогда думал о Дьяковой… – Дьякова Варвара Александровна, урожд. Бакунина (1812–1866) – вторая из сестер Бакуниных, друг Станкевича, ухаживавшая за ним в последние дни его жизни.

16.

Остальных лиц ~ в своих письмах. – В письмах Станкевича из Рима к Фроловым говорится о польском пианисте Брингинском, русском художнике А. Т. Маркове, немецком художнике Рунде, А. П. Ефремове и др.

17.

«Снова тучи надо мною» – первая строка стихотворения Пушкина «Предчувствие» (1828), которое, по-видимому, в сознании Станкевича связывалось тогда с предчувствием близкой смерти.

18.

«Divus Caius Julius Caesar». – См. то же воззвание к Юлию Цезарю в повести Тургенева «Призраки» (главы XII–XIII).

19.

…прочтя в «Тарасе Бульбе»… – Эпизод из VIII главы повести Гоголя в первой ее редакции (1835).

20.

Шевырев в то время был в Риме… – Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – профессор Московского университета, поэт, историк литературы, критик, стоявший на позициях «официальной народности», с 1835 г. – ярый противник Белинского. Отрицательно-критическое отношение к нему Станкевича ярко сказывается в письмах его к Фроловым из Рима (Станкевич, Переписка, с. 694–696, 705, 715).

21.

И прелести ~ душа моя… – Цитата из вступления к повести в стихах В. А. Жуковского «Ундина» (1837).

22.

В то время жил в Риме некто Брыкчинский… – Тургенев ошибочно называет так Брингинского, выдающегося польского пианиста, друга Листа. Сохранилось письмо к нему Станкевича, рекомендующее ему Тургенева (Станкевич, Переписка, с. 747). О Брингинском Тургенев упоминает в «Мемориале» в записи, относящейся к 1840 году, также называя его Брыкчинским.

23.

Он давно любил Дьякову, на сестре которой… – Дьякова – см. выше. Ее сестра – Бакунина Любовь Александровна (1811–1838), старшая из сестер Бакуниных, бывшая невестой Станкевича. Известен ряд писем к ней Станкевича, по преимуществу лирико-философского характера, за 1837–1838 годы (Станкевич, Переписка, с. 503–570).

24.

Фразы ~ даже Толстой (Л. Н.) не нашел бы ее в нем. – Из писем Л. Н. Толстого видно, как захватило его чтение биографии и писем Станкевича: «Вот человек, – пишет он о Станкевиче Б. Н. Чичерину 21 и 23 августа 1858 г., – которого я любил бы, как себя…»; и в письме к А. А.

Толстой того же времени: «Никогда никого я так не любил, как этого человека, которого никогда не видел. Что за чистота, что за нежность! что за любовь, которыми он весь проникнут…» (Толстой, т. 60, с. 272 и 274).

25.

Незадолго до смерти ~ довольно большое письмо, которое я прилагаю. – Очевидно, письмо Станкевича к Тургеневу от 11 (23) июня 1840 г. из Флоренции, отрывки из которого приводит Тургенев в письме к Грановскому от 4 (16) июля 1840 г.; почти полностью оно опубликовано Л. Н. Майковым (ВЕ, 1899, № 1, с. 16–18). Названное письмо было приложено Тургеневым к посланному П. В. Анненкову тексту воспоминаний о Станкевиче.

26.

…в Риме я одно время рисовал карикатуры ~ свадьбу Маркова… – В письмах из Рима к Фроловым Станкевич сообщает о том, как Тургенев у Ховриных «обыкновенно рисует свои фантазии и очень удачно», причем Станкевич дает ему «библейские темы, например: Адам, который не знает, что ему делать, и проч.» (Станкевич, Переписка, с. 692); «Из новых карикатур его <Тургенева> очень забавен Марков с невестою, над которым Тургенев держит венец. На другой представлен Марков с палитрой и кистью перед Колизеем – тоже смешон» (там же, с. 709). Марков – Алексей

Тарасович (1802–1878), русский художник, работавший в 1830-х годах за границей, преимущественно в Риме. См. письмо к нему Тургенева от февраля – 9 (21) апреля 1840 г.

27.

…о ~ г-же Кёне. – Имеется в виду Мария Павловна Кенни (Kenney), урожд. Галахова, бывшая замужем за английским офицером. Два письма ее к Тургеневу, 1840 года, хранятся в ГИМ.

28.

Иван Галахов – Галахов Иван Павлович (1810–1849), брат Е. П. Фроловой и М. П. Кенни; в 1840-х годах увлекался фурьеризмом и был близок к Герцену и Огареву. Герцен дал его сочувственную характеристику в главе XXIX «Былого и дум» (Герцен, т. IX, с. 115–120). В книге «С того берега» (1847–1850) в главе «Перед грозой (Разговор на палубе)» (см. там же, т. VI, с. 19–39) Герцен передал одну из бесед с И. П. Галаховым, который, по его словам, несмотря на взгляд, «исполненный иронии <…> хранил романтические надежды и всё еще рвался к каким-то верованиям» (там же, т. IX, с. 120).

29.

…из ~ «пословицы» Альфреда де Мюссе. – О «Драматических пословицах» («Proverbes dramatiques») А.

де Мюссе (1810–1857) см. наст. изд., т. 2, с. 577–578 и сл., в примечаниях к комедии Тургенева «Где тонко, там и рвется» (1848).

30.

…gentleman ~ так опошлиться. – Называя героя повести «Затишье» джентльменом, Тургенев подразумевал уже иронический оттенок этого определения (см. наст. изд., т. 4; см. также лексикологическую заметку М. П. Алексеева «Джентльмен». – Т сб, вып. 5, с. 343–344).